

(PHILOSOPHY)

Карл Густав ЮНГ

ДЖОЗЕФ Л. ХЕНДЕРСОН
МАРИЯ-ЛУИЗА ФОН ФРАНЦ
АНИЭЛА ЯФФЕ
ИОЛАНДА ЯКОБИ



Человек и его СИМВОЛЫ



Издательство АСТ
Москва

УДК 159.9
ББК 88.3
Ю50

Серия «Философия — Neoclassic»

C. G. Jung,
Marie-Louise von Franz, Aniela Jaffé,
Jolande Jacobi and Joseph L. Henderson
MAN AND HIS SYMBOLS

Перевод с английского *В. Желнинова*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения Stiftung der Werke von C. G. Jung
и the Paul & Peter Fritz AG, Literary Agency

Юнг, Карл Густав.

Ю50 Человек и его символы / Карл Густав Юнг ; [перевод с английского В. Желнинова]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Философия — Neoclassic).

ISBN 978-5-17-162724-9

Представляем вниманию читателей книгу, в которой изложены наиболее важные, основополагающие принципы юнгианской психологии. В 1959 году директор издательства «Элдус букс», вдохновленный идеей распространить учение Юнга на максимально широкую аудиторию, обратился к автору с предложением написать книгу, адресованную массовому читателю. Спустя два года идея получила воплощение в совместном труде Юнга и его ближайших соратников под названием «Человек и его символы».

Сам Юнг разработал основную концепцию и написал главную часть книги — «На подступах к бессознательному», в которой обозначил роль бессознательного и сновидений в жизни человека и познакомил читателя с понятием архетипа. В следующей части Джозеф Л. Хендерсон, один из наиболее ярких последователей Юнга на американском континенте, обрисовал принцип возникновения архетипических моделей в древней мифологии и ритуалах. Раздел, посвященный описанию процесса индивидуации — важнейшей части юнгианского учения, Юнг доверил своей ближайшей подруге и соратнице — Марии-Луизе фон Франц. Разделы о символизме в изобразительном искусстве и символах в индивидуальном анализе написаны коллегами автора по цюрихскому юнгианскому кружку — Иоландой Якоби и Аниэлой Яффи.

УДК 159.9
ББК 88.3

© Ferguson (Aldus-Book), 1964
© Foundation of the Works of C. G. Jung, Zürich, 2007
© Stiftung für Jung'sche Psychologie, Kusnacht, 1974
© The Estate of Aniela Jaffé, 1964
© The Estate of Joseph L. Henderson, 1964
© The Estate of Jolande Jacobi, 1964
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Предисловие

Обстоятельства рождения на свет этой книги достаточно необычны для того, чтобы вызывать интерес, более того, они имеют непосредственное отношение к ее содержанию и намерениям авторов. Посему позвольте рассказать, как эта книга была задумана и создана.

Весной 1959 года Британская радиовещательная корпорация (Би-би-си) пригласила меня взять интервью для британского телевидения у доктора Карла Густава Юнга, причем оговаривалось, что интервью предстоит «углубленное». В ту пору я мало что знал о самом Юнге и предмете его исследований, а потому сразу же отправился знакомиться с ним — в его красивый дом на берегу озера в Цюрихе. Так началась наша дружба, которая очень много означала для меня и, надеюсь, доставила некоторое удовольствие Юнгу в последние годы его жизни. Что касается упомянутого интервью, оно не имеет значения для этой истории. Скажу лишь, что его признали успешным и что книга, которую вы держите в руках, оказалась итогом странного стечения обстоятельств вследствие этого успеха.

Одним из тех, кто увидел интервью Юнга на телеэкране, был Вольфганг Фогес, управляющий директор издательства «Элдус букс». Он с малых лет живо интересовался развитием современной психологии, благо в детстве жил в Вене по соседству с семейством Фрейдов. Наблюдая за тем, как Юнг с экрана рассказывает о своей жизни, о работе и об идеях, Фогес вдруг подумал: конечно, общее представление о свершениях Фрейда присутствует у всех образованных людей в западном мире, но очень жаль, что Юнгу не удалось стать своим для массового

читателя, что его сочинения всегда считались слишком заковыристыми для широкой публики.

Фактически именно Фогес является создателем сборника «Человек и его символы». Он ухитрился уловить через экран телевизора наши с Юнгом теплые личные отношения и поинтересовался у меня, готов ли я присоединиться к попытке убедить Юнга изложить наиболее важные, основополагающие соображения юнгианской психологии на языке, доступном читателям-неспециалистам, со всеми необходимыми подробностями. Я тут же ухватился за эту идею и снова отправился в Цюрих, уверенный, что смогу убедить Юнга в ценности и важности такого проекта. Юнг выслушал меня в своем саду. Мы говорили два часа почти без перерыва, а затем он сказал: «Нет». Причем сказано это было вполне учтиво, но предельно твердо. Он пояснил, что никогда раньше не стремился популяризировать свои изыскания, сомневается, что сумеет с этим справиться сейчас, вдобавок возраст и общая усталость мешают ему взять на себя столь долговременные обязательства, по поводу которых он питает изрядные сомнения.

Все друзья Юнга согласятся со мною в том, что он был человеком стойких убеждений. Любую проблему он изучал тщательно, без какой бы то ни было спешки, и обыкновенно давал окончательные ответы. В общем, я вернулся в Лондон крайне разочарованным и счел, что отказ Юнга положил конец делу. Пожалуй, так бы и вышло, когда бы не два фактора, которых я не учел.

Во-первых, я не предполагал, что Фогес будет таким настойчивым и станет настаивать на повторном общении с Юнгом: мол, съездите к нему снова, а если опять откажет, тогда уже признаем поражение. Во-вторых, случилось кое-что еще — кое-что такое, что не перестает меня поражать по сей день.

Телевизионное выступление, как уже было сказано, имело успех. Юнг получил огромное количество писем от самых разных людей, в том числе от множества тех, кто не мог похвастаться медицинским или психологическим образованием, но был буквально очарован привлекательной внешностью, юмором и скромным обаянием этого великого человека. Они усмотрели в его взглядах на жизнь и человеческую личность что-то такое, что могло бы им помочь. Сам Юнг радовался не обилию корреспон-

денции (он постоянно вел обширную переписку), а тому факту, что письма поступали от людей, которые прежде сторонились таких ученых, как он.

Именно тогда ему приснился сон, который он счел чрезвычайно важным. (Когда прочитаете эту книгу, вы сами поймете, что, собственно, произошло.) Итак, ему приснилось, что он, вместо того чтобы сидеть в своем кабинете и беседовать со знаменитыми врачами и психиатрами со всего мира, стоит в каком-то общественном месте и обращается ко множеству людей, которые слушают его очень внимательно, ловят каждое слово и понимают, о чем он говорит.

Когда неделю или две спустя Фогес вновь попросил Юнга составить новую книгу, предназначенную не для клинических специалистов или философов, а для обыкновенного человека с улицы, Юнг позволил себя уговорить, но выдвинул два условия. Во-первых, авторов у подобной книги должно быть несколько: книга обязана стать плодом коллективных усилий его самого и группы ближайших соратников, с помощью которых он распространял свои научные методы и учение. Во-вторых, задачу по координации деятельности и устранению любых проблем, которые могут возникнуть между авторами и издателями, следует возложить на меня.

Чтобы не сложилось впечатление, будто я в своем введении выхожу за рамки разумной скромности, сразу признаюсь, что второе условие меня порадовало, но моя радость не была щенячьим восторгом. Очень скоро мне стало известно, что Юнг выбрал меня, в общем-то, по причине того, что видел во мне человека сведущего, но не блистающего интеллектом, к тому же скверно осведомленного о психологии, то есть Юнгу я казался типичным читателем предполагаемой книги: по его мнению, все, понятное мне, было бы понятно любому заинтересованному профану; все, меня удивлявшее, было бы, скорее всего, маловнятным и слишком трудным для публики. Разумеется, я был польщен такой оценкой, однако старался соблюдать свои полномочия и скрупулезно настаивал (порой, боюсь, к досаде и раздражению авторов) на том, чтобы каждый абзац был написан или при необходимости переписан предельно ясно, столь доступно, чтобы я мог с уверенностью утверждать: дескать, книга в целом обращается

к самому широкому читателю, а те мудреные темы, которые в ней затрагиваются, рассматриваются с редкой для литературы подобного рода и поистине обнадеживающей простотой.

После долгих обсуждений было решено, что основной темой книги станет человек и его символы. Юнг лично выбирал соавторов: доктора Марию-Луизу фон Франц из Цюриха, свою, возможно, ближайшую соратницу и подругу; доктора Джозефа Л. Хендерсона из Сан-Франциско, одного из наиболее ярких и пользующихся доверием американских юнгианцев; госпожу Аниэлу Яффе из Цюриха, которая, будучи опытным аналитиком, много лет являлась личным секретарем Юнга, а также написала его биографию; доктора Иоланду Якоби, самую известную (после Юнга) представительницу юнговского цюрихского кружка. Этих четырех человек выбрали отчасти из-за их навыков и опыта в конкретных предметах исследований, а отчасти потому, что Юнг полностью доверял им и полагал, что они не станут оспаривать его распоряжения, работая сообща. На себя Юнг взял планирование структуры книги, руководство работой соавторов и написание основной части — «На подступах к бессознательному».

Последний год своей жизни он почти целиком посвятил подготовке этой книги. Когда он умер в июне 1961 года, его текст был готов (фактически он закончил его всего за 10 дней до болезни, которая свела его в могилу), а тексты соавторов в черновиках успели получить его одобрение. После смерти Юнга доктор фон Франц приняла бразды ответственности за завершение книги в соответствии с четкими инструкциями Юнга. Словом, тема человека и его символов была подробно изучена и рассмотрена самим Юнгом. Текст, под которым стоит его фамилия, написан им самим (понадобилось лишь легкое редактирование, чтобы сделать этот текст еще понятнее для широкого читателя), причем исходно — на английском языке. Все остальные разделы книги писали другие авторы под руководством и надзором Юнга. Окончательное редактирование сборника после кончины Юнга выполнила доктор фон Франц, выказав немалое терпение, понимание и отменное чувство юмора. Мы с издателями в большом долгу перед ней за ее труд.

Перейдем же к содержанию самой книги. Идеи Юнга проникли в мир современной психологии куда глубже, чем при-

выкли думать многие из тех, кто обладает лишь поверхностными знаниями в этой области. Такие знакомые термины, например, как «экстраверт», «интроверт» и «архетип», суть юнгианские понятия, заимствуемые — порой в неправильном толковании — другими психологами. Важнейший же его вклад в развитие психологии заключается в трактовке бессознательного, которое он, в отличие от Фрейда с его подсознанием, считал не просто черной дырой вытесненных желаний, а целым психическим миром, столь же значимым и реальным в жизни индивидуума, как мир сознательного, мыслящего «я», — миром, который бесконечно шире и богаче сознания. Бессознательное говорит на языке символов, его населяющих, а главным способом общения с «я» выступают сны.

Следовательно, изучение человека и его символов фактически является исследованием отношения человека к его бессознательному. А поскольку, по мнению Юнга, бессознательное — великий проводник, друг и советчик сознания, эта книга самым непосредственным образом связана с изучением человеческих существ и их душевных затруднений. Мы познаём бессознательное и общаемся с ним (связь тут двусторонняя) прежде всего посредством сновидений, потому-то на протяжении всей книги (в первую очередь в тексте самого Юнга) неизменно подчеркивается их значимость в человеческой жизни.

С моей стороны было бы дерзостью пытаться истолковать работу Юнга для читателей, многие из которых наверняка гораздо лучше подготовлены к ее пониманию. Смею напомнить: моя роль при подготовке книги заключалась лишь в том, чтобы служить таким фильтром, а вовсе не толкователем. Но все же я рискну обратить внимание на два общих соображения, которые кажутся мне важными как непрофессионалу и, возможно, окажутся полезными другим неспециалистам.

Во-первых, сновидения для юнгианцев — это отнюдь не стандартизированная, если угодно, криптограмма, которую можно расшифровать с помощью глоссария значений символов. Это целостное, важное и личное выражение индивидуального бессознательного. Оно столь же реально, как и любое другое проявление индивидуальности. Личное бессознательное сновидца взаимодействует только с ним и выбирает для общения символы, ко-

торые имеют значение лишь для сновидца, а не для кого-либо еще. Значит, толкование сновидений, будь то со стороны аналитика или самого сновидца, есть в понимании юнгианского психолога дело сугубо индивидуальное (а также — иногда — экспериментальное и очень длительное), его ни в коем случае нельзя предпринимать на основании свода каких-то придуманных правил.

Но верно и обратное: сообщения бессознательного имеют для сновидца величайшее значение (это естественно, поскольку бессознательное составляет минимум половину всей его сущности) и нередко дают советы и наставления, которые невозможно получить ни из какого другого источника. Вспомним описанный выше сон Юнга о выступлении перед многочисленной толпой. Это не какое-то волшебство и не пресловутое предсказание будущего. Простыми словами из повседневного опыта нам сообщается, что Юнгу советовало его собственное бессознательное, которое призывало пересмотреть неадекватные суждения, принадлежащие сознательной части разума. Отсюда следует, что ни один сколько-нибудь опытный юнгианец не станет рассматривать сновидения как простую случайность. Напротив, способность налаживать контакт с бессознательным присуща любому человеку, и юнгианцы учат себя (не могу придумать лучшего определения) быть восприимчивыми к сновидениям. Принимая решение взяться за работу над этой книгой, Юнг использовал и ресурсы сознания, и богатейшие «закрома» своего бессознательного. Из всего содержания книги явствует, что сновидения суть прямые, личные и осмысленные сообщения для сновидца, которые опираются на общие для всего человечества символы, но применяют их в каждом случае совершенно индивидуальным образом и они подлежат истолкованию только в сугубо индивидуальном ключе.

Во-вторых, я хотел бы отметить особое качество убеждения, свойственное всем авторам этой книги, если не всем юнгианцам вообще. Те, кто ограничивается пребыванием в сознательном и отвергает общение с бессознательным, связывают себя формальными законами сознательной жизни. Полагаясь на безошибочную (но часто бессмысленную) логику алгебраических уравнений, они рассуждают логично, идут от предполагаемых посылок к неоспоримым выводам. Мне кажется, что Юнг и его

коллеги (подозревают они о том или нет) отвергают такие ограничения. Дело вовсе не в том, что они игнорируют логику; со стороны выглядит так, будто они постоянно спорят — и с бессознательным, и с сознанием. Их диалектический метод сам по себе символичен и нередко коварен. Они убеждают не посредством узконаправленных силлогизмов, а обходными путями, через повторение, многократное воспроизведение одного и того же предмета под несколько иными углами зрения до тех пор, пока вдруг читатель, ранее никогда не осознававший наличия неоспоримого доказательства, не выясняет, что он неосознанно принял некую более широкую истину.

Доводы Юнга (и его коллег, разумеется) как бы вьются снизу вверх или кружат вокруг предмета обсуждения, подобно птице, что кружит у дерева. Сначала нам видна лишь путаница листьев и ветвей. Постепенно, когда мы поднимаемся по спирали все выше, отдельные повторяющиеся признаки дерева сливаются в целостность и соотносятся с окружающим пространством. Некоторым читателям этот «спиральный» метод доказательства может представиться чрезмерно трудоемким и даже сбивать с толку, но, полагаю, их смятение развеется через несколько страниц. Юнг регулярно прибегает к такому методу, и очень скоро читатель понимает, что автор увлекает его за собой в крайне интересное путешествие.

Разделы этой книги говорят сами за себя и не требуют особого представления. Собственный текст Юнга знакомит читателя с бессознательным, архетипами и символами, составляющими его язык, и сновидениями, посредством которых оно общается с нами. Доктор Хендерсон в следующем разделе показывает и разъясняет возникновение ряда архетипических моделей в древней мифологии, народных легендах и первобытных ритуалах. Доктор фон Франц в разделе об индивидуации описывает процесс, посредством которого сознательное и бессознательное внутри человека учатся узнавать, уважать друг друга и приспосабливаться друг к другу. В определенном смысле слова этот раздел можно назвать сутью всей книги и, возможно, жизненной философии Юнга: человек становится целостным, цельным, спокойным, «плодородным» и счастливым, когда (и только тогда) процесс индивидуации завершен, сознательное и бессознательное

научились жить в мире и дополнять друг друга. Госпожа Яффе, как и доктор Хендерсон, стремится обозначить и выделить в знаковой ткани сознания неизменный интерес человека к символам бессознательного — почти родственный одержимости. Эти символы обладают сильным, питательным и направляющим внутренним притяжением, и не важно, встречаются ли они в мифах и сказках, которые анализирует доктор Хендерсон, или в изобразительном искусстве, которое, как показывает госпожа Яффе, удовлетворяет наши стремления и восхищает нас через постоянное обращение к бессознательному.

Кроме того, следует сказать несколько слов о разделе, написанном доктором Якоби, поскольку он несколько отличается от остальной книги. Фактически перед нами краткая история одного любопытного успешного анализа. Ценность такого раздела очевидна, но думаю, что должен все-таки произнести слова предупреждения. Во-первых, как указывает доктор фон Франц, не существует такого понятия, как типичный юнгианский анализ. Его попросту нет, ибо всякое сновидение есть личное, индивидуальное общение, так что нет двух снов, которые использовали бы символы бессознательного одинаково. Значит, каждый юнгианский анализ уникален, ошибочно считать анализ из клинических материалов доктора Якоби (или любой другой из тех, что имеются в наличии) показательным или типичным. Все, что можно сказать о пациенте Генри и его мрачных снах, — это то, что они представляют собой наглядный пример применения юнгианского метода к конкретному случаю. Во-вторых, для изложения полной истории даже сравнительно несложного случая потребовалась бы целая книга, потому история Генри неизбежно страдает от сокращений. Так, ссылки на «И цзин» кажутся не очень понятными и придают анализу неестественный (и, на мой взгляд, неудовлетворительный) вид с оттенком оккультизма, если рассматривать их вне полного контекста. Тем не менее мы пришли к выводу (и я уверен, что читатель согласится с нами), что если принимать во внимание перечисленные предупреждения и простую человеческую любознательность, то история Генри значительно обогащает эту книгу.

Я вспоминал, каким образом Юнг пришел к решению взяться за книгу «Человек и его символы». А в завершение своего

вступления хочу напомнить читателю, что он держит в руках замечательное (быть может, уникальное) издание. Карл Густав Юнг был одним из величайших врачей всех времен и величайших мыслителей XX столетия. Он всегда ставил себе целью помогать людям познать себя, чтобы посредством самопознания и разумного «самоиспользования» они могли вести полноценную, богатую и счастливую жизнь. На склоне лет, сам прожив жизнь по-настоящему полно, богато и счастливо, он собрался с духом и счел возможным обратиться к более широкой публике, нежели та, с которой он взаимодействовал ранее.

Что ж, он справился со своей задачей. И в том же месяце ушел из жизни. Эта книга — его завещание для массового читателя.

Джон Фримэн

Часть 1

Карл Густав Юнг
НА ПОДСТУПАХ
К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ